

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА

1/2017

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Журнал рецензий № 1(10)/2017

Дата подписания в печать 17.03.2017

Учредитель ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.nestorbook.ru

Редакционный совет КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.филол.наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)
КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.ист.наук, профессор кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)
НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филол.наук, доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)
ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.ист.наук, руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)
ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филол.наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)
УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, д.филол.наук, зам.директора Института славяноведения РАН (Москва)
ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.ист.наук, профессор кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)
ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.ист.наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (Москва)
Российского государственного педагогического университета им. Герцена, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия Ответственный редактор – ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.ист.наук, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)
Зам. ответственного редактора – ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.ист.наук, профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)
Ответственный секретарь – КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)
Член редколлегии – КОРЧИНСКИЙ Анатолий Викторович, к. фил.наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ (Москва)
Член редколлегии – ТРОИЦКИЙ Юрий Львович, к. ист. наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ, заместитель директора ИФИ РГГУ по методической работе и историческому образованию (Москва)

Переписка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год
ISSN 2409-6105

Издатель ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru

Типография ООО «Нестор-История»
191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 15
Тел. (812)622-01-23
Тираж 300 экз.
Заказ № 877

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**Глобальная память**

- 7 А. П. НАЗАРЕТЯН *Идеология versus цивилизация?*
- 30 А. М. ХАЗАНОВ *О ком скорбеть и кого забыть? (Ре)конструкция коллективной памяти в современной России*

Национальная память

- 67 О. Б. ЛЕОНТЬЕВА *Помнящая культура. Рец.: Кознова И. Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России / Ирина Кознова. М.: Политическая энциклопедия, 2016.*
- 72 П. И. ТАХНАЕВА *К вопросу о несостоявшейся депортации дагестанцев в 1944 г.*

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

- 96 В. И. ЦВИРКУН *Легенда и реалии переноса останков Дмитрия Кантемира из Москвы в Яссы*
- 108 А. А. БОЧАРОВ *«Спасайте меня и требуйте в вознаграждение, что вам угодно»: был ли отравлен герой русского флота А. И. Казарский (по страницам книг В. В. Шигина)*

ОБОБЩАЮЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 124 С. Л. ФИРСОВ *Русская церковь в эпоху воинствующего богоборчества. Рец.: Поляков А. Г. Викторианское течение в Русской Православной Церкви в контексте церковно-государственных отношений. Киров: «Веси», 2009. 284 с.*
- 135 В. Г. ЧЕНЦОВА *Афон и Россия: после юбилея. Рец.: Русь и Афон. К 1000-летию присутствия русского монашества на Святой горе. Выставочный комплекс Храма Христа Спасителя, 21 сентября – 23 октября 2016 года. Каталог. М.: Кучково поле, 2016. 216 с.*
- 146 А. А. НЕПОМНЯЩИЙ,
А. В. СЕВАСТЬЯНОВ *Может ли история оправдывать политическую концепцию? Рец.: Возгрин В. Е. Немецкие колонисты и коренной народ Крыма в национальной политике Российской империи. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. 416 с.*

151 П. В. ЧЕЧЕНКОВ

История Нижегородского края: новые издания, старые проблемы

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Мир

163 А. С. СТЫКАЛИН

Рец.: Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории / отв. редактор Е. П. Серапионова. М., Институт славяноведения РАН, 2015. 680 с.

168 А. А. ТЕСЛЯ

Рец.: Клопова М. Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М.: Индрик, 2016. 280 с.

Российская империя

175 Н. С. ГУСЕВ

Рец.: Накануне Великой войны: Россия и мир / под ред. М. Б. Смолина, К. А. Залесского. М., 2014. 336 с.

181 М. В. ЗАЙЦЕВ

Рец.: Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

186 Э. Р. КАДИКОВ

Рецензия на монографию В. П. Сапона «Либертарный социалист Аполлон Карелин»

195 Н. В. ЛИПАТОВА

Документ – эпоха – исследователь. Рецензия на публикацию протоколов Петербургского комитета партии большевиков за 1917–1918 гг.

207 М. Н. ЛУКЪЯНОВ

«Великие потрясения» глазами правого интеллектуала: Заметки на полях дневника Бориса Никольского. Рец.: Никольский Б. В. Дневник, 1896–1918 / изд. подгот. Д. Н. Шиловым, Ю. А. Кузьминным. В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 1. 704 с.; Т. 2. 656 с.

215 Ф. И. МЕЛЕНТЬЕВ

«Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма»: краткая характеристика источника и обзор современных переизданий

231 Д. И. РУБЛЕВ, П. И. ТАЛЕРОВ

Написана ли уже история анархистской печати России? (немного о посмертном издании одной книги). Рец.: Менделеев А. Г. Печать русских анархистов. М.: Политическая энциклопедия. 2015. 247 с.

245 С. М. ВОЛОПИНА

Рец.: Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (Очерки о взаимодействии литературы и экономики). М.: МАКС-Пресс, 2009. 234 с.

- 253 **М. В. МЕДОВАРОВ** *Возвращение забытого мыслителя. Рец.: Соловьев А. П. «Согласить философию с православной религией»: идейное наследие архиепископа Никанора (Бровковича) в истории русской мысли XIX–XX веков. Уфа: издатель Словохотов А.А., 2015. 440 с.*
- СССР**
- 260 **С. Б. МАНЫШЕВ** *История здравоохранения периода Великой Отечественной войны в современной дагестанской историографии. Рец.: Книга памяти. Дагестанский медицинский институт в годы Великой Отечественной войны / Авторы-составители Р. С. Гаджиев, Ф. М. Османова; глав. ред. Д. Р. Ахмедов. Махачкала: Издательство «Лотос», 2015. 304 с.*
- 272 **А. В. ГРИНЁВ** *Рец.: Владимирский М. В. Красный Крым 1919 года. М.: Издательство Олега Пахмутова, 2016. 304 с.*
- 277 **О. Л. ЛЕЙБОВИЧ** *«Этот мир умирает...». Рец.: Казанков А. И. Время местное: хроники провинциальной повседневности: монография. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2016. 163 с.*

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

- 282 **К. А. ПАХАЛЮК** *Рец.: Елохин К. А. Война флагов на территории Новороссии в 2014 году. М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2016. 267 с., ил.*

КОНФЕРЕНЦИИ

- 290 **Б. Н. МИРОНОВ** *Международная междисциплинарная конференция «Нации и этничность в гуманитарных науках» как организатор нового научного пространства*

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 298 *Интервью Ф. Б. Успенского*
- 311 *Интервью В. В. Кондрашина*

САМООРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

- 326 *Интервью М. В. Елиферовой*
- 330 *Интервью А. А. Глухова: «С точки зрения университетской автономии, только сам университет волен решать, какие структуры в нем имеют право на существование»*
- 340 *Требования к публикации статей и материалов*

А. А. Тесля

Рец.: *Клопова М. Э.* Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX — начале XX века. М.: Индрик, 2016. 280 с.

Исследование процессов нациестроительства в Восточной Европе насчитывает уже почти два столетия, причем, как известно, зачастую фигуранты исследований и их авторы оказывались одними и теми же персонажами — изучение очередного «национального возрождения» становилось вкладом в последнее. Важность рассматриваемого исследования — в дистанцировании от привычных национально-ориентированных схем историописания, предопределяющих постановку исследовательских вопросов явной или скрытой телеологией — «формированием нации» как логическим завершением процесса, причем с присущим историку постзнанием, о какой именно нации идет речь. Напротив, в исследовании М. Э. Клоповой аккуратно прочерчивается логика вариативности и анализируются на галицийском материале особенности ранних стадий национальной мобилизации.¹

Сильно огрубляя, можно сказать, что основных вариантов местной идентичности, которые пытались политически мобилизовать, было три, вынесенные в заголовок работы: 1) русские, русины (нем. Ruthenen); 2) украинцы и 3) рус-

ские. Исследование как раз и направлено на то, чтобы раскрыть многомерность и неоднозначность связанных с этими тремя вариантами национальных проектов, причем как в контексте их противостояния друг другу, так и в соотношении с имперской политикой Вены, польскими политическими движениями и партиями и, отчасти, воздействием Петербурга — как в лице официальных институций, так и неофициальных усилий.

Работа построена по принципу нарастающей в хронологическом порядке детализации описания национальных процессов в Галиции — от общего беглого очерка большей части XIX в. к внимательному рассмотрению событий 1890–1907 гг. и тщательному анализу «конституционной эпохи», т. е. сравнительно небольшого временного отрезка между первыми выборами в Палату депутатов Рейхсрата в 1907 г., проведенными по системе всеобщего голосования, и началом Первой мировой войны.

Кратко остановившись на первых моментах образования национальных движений, вписанных в общий процесс «славянского возрождения» и стимулированных активным германским, польским и венгерским нациестроительством, Клопова более подробно рассматривает период с 1848 по 1890-х г. В это время имперское правительство сначала пытается интенсифицировать

© Тесля А. А., 2017

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск); mestr81@gmail.com

«русинскую» идентичность, избавленную от соотнесения с иными политическими общностями (как это прозвучало уже в 1848 г., когда местные депутаты заявили, что являются частью пятнадцатимиллионного народа), а затем, в обстановке конституционных преобразований 1860-х гг., формируются «русофильское» и «украинское» национальные движения. Названные движения в период до 1890 г., а особенно до конца 1870-х, преимущественно ограничены весьма небольшим кругом участников, но принципиально значимы в плане выработки позиций — завязывается интенсивная полемика в разнообразных печатных органах, обретается опыт политической организации и т. п. При этом в 1880–1890-х гг. стимулирующую роль на политическую жизнь «русских» оказывают российские украинские круги. В последнем отношении достаточно напомнить о роли М. П. Драгоманова в налаживании связей как между Галицией и Малороссией, так и между Галицией, Закарпатьем и Буковиной, формировании представлений о «большой Украине» — или о принципиально важной роли русских украинцев, в частности В. Б. Антоновича, в достижении польско-украинского соглашения 1890 г., зафиксировавшего рост влияния украинского движения на принятие политических решений в Галиции и обеспечившего многолетнюю, хотя и ограниченную, его поддержку со стороны Вены.

Переход к массовой политике и достаточно активное вовлечение как в галицийскую, так и в общеимперскую политику привели к нежиданным с точки зрения украинской

политики результатам — в той мере, в какой украинские партии, в первую очередь Украинская национально-демократическая партия (УНДП), обладавшая наибольшим политическим весом, оказывались активными участниками политических процессов в Австро-Венгрии, они все в большей степени в своих действиях ориентировались исключительно на внутренний контекст, не имея достаточной мотивации, чтобы принимать в расчет российскую Украину. Логика «единой нации», разделенной политическими границами, была продуктивна в культурном плане, но оказывалась недостаточной, чтобы мотивировать политические решения — в последнем отношении украинские партии в Австро-Венгрии к 1910-м гг. были преимущественно «галицийскими» или «буковинскими».

Во многом то же самое можно сказать и о «русофилах», которых их оппоненты предпочитали именовать «москвофилами»: если политические противники были склонны трактовать их как находящихся под «русским влиянием» и подозревать в нелояльности по отношению к Австро-Венгрии, стремлении к политическому объединению с Российской империей, то в реальности они занимали гораздо более сложные позиции, стремясь совместить локальную идентичность с отнесением к «малороссийской народности» и «русскому народу». Сильной стороной «русофильского» движения была отсылка к существующим идентификационным маркерам и образам — начиная с самоназвания, когда «русский»

интерпретировался как локальная форма «русского», и вплоть до представлений о «Руси», «Святой Руси», распространенных среди населения Восточной Галиции, которые «русофилы» переинтерпретировали в смысле принадлежности к «русской культуре», «русскому миру», придавая последнему культурный и отчасти политический характер.

Сложности для «русофильского» движения возникли в нескольких планах: — во-первых, естественные и во многом обоснованные подозрения или сомнения в лояльности австрийской власти, в ориентации на Российскую империю. Вместе с тем последнее обстоятельство было не только источником проблем, но и ресурсом, поскольку позволяло соотносить себя с большим политическим телом, в рамках национального противостояния с поляками позволяло отсылать не к «украинской» национальной идентичности, оспариваемой польскими националистами не менее, чем русскими, а к «русской»; — во-вторых, конфессиональная принадлежность, поскольку для русского национализма в большей или меньшей мере характерно понимание православия как «русской веры»: тем самым для галичан, в большинстве своем принадлежавших к греко-католическому вероисповеданию, возникала необходимость либо деконфессионализации национального движения, разрыва существующей связки между конфессиональной принадлежностью и национальным самосоотнесением, либо понимания униатства как недо-православия — с логическим выводом о необходимости перехода в православие.

Последний ход рассуждений и его практическая реализация неоднократно встречались в практике «русофильства»: так, в православие перешел один из наиболее известных галичан 1860–1880-х гг., священник И. Наумович, как ранее подобным образом поступил священник и первый профессор по кафедре русского языка и словесности Львовского университета Я. Головацкий, один из авторов и составителей «Русалки Днестровской» (1836), с издания которой принято отсчитывать историю «национального возрождения» в Галиции — однако, помимо маловероятности массового перехода в православие (что предполагало бы религиозную реформацию в условиях последней трети XIX в.), подобная установка ослабляла и изначальную связку с «русской», «рутенской» идентичностью.

Для русофильского движения характерен в целом больший консерватизм, чем для украинского — в частности, в силу традиционного рекрутирования своих сторонников из рядов местного духовенства, близости к Ставропигии, что в свою очередь обуславливало гораздо более поздний, по сравнению с украинским, переход к партийным формам политической борьбы, созданию политических структур. Вплоть до начала XX в. русофильское движение в целом избегало ясного обозначения своей национальной позиции, а запрос на последнее привел к его расколу на «молодых» и «старых», где последние сохраня-

ли «святоюрскую»¹ конфессиональную форму идентификации, с отсылкой к слабо политизированному «рутенству», тогда как «молодые» последовательно артикулировали принадлежность к русской нации, к ее малороссийской народности.

Значимой особенностью австро-венгерской ситуации была острая постановка национальных вопросов, к чему, помимо иных обстоятельств, подталкивала политическая конструкция империи, разделенной на «исторические земли», стимулировавшая «упаковку» самых разнообразных интересов и стремлений именно в национальную рамку. Имперское правительство было активным игроком в этой комбинации национальных движений, в то время как последние, разумеется, активно использовали общеимперскую повестку для достижения своих целей. Так, в 1907 г. «украинский клуб», объединявший большую часть украинских депутатов в Рейхсрате, в целях добиться выгодного для себя изменения избирательного законодательства в Галиции, предпринял обструкцию парламентских заседаний, блокируя проведение законопроектов о военном наборе (с. 123). В свою очередь центральная администрация в лице наместника Галиции А. Потоцкого на выборах в сейм поддержала русофилов, что соответствовало взглядам значительной части польских политических групп, рассматривавших последних как более консервативных и способных в данный

момент к компромиссу (с. 130), тем более возможно, что в этот период влиятельные польские политики были нацелены на достижение русско-польского соглашения в Царстве Польском (и взаимодействие в Галиции выступало продолжением этого политического решения).

Поскольку украинское национальное движение неизбежным образом выступало противником как польского, так и русского национального проектов, то достижение согласия между последними за счет первого, по крайней мере временного, было одной из возможностей — наряду с тактическим блокированием украинских и польских национальных движений в иной ситуации. В свою очередь и для российских политических деятелей поддержка галицийских русофилов была зачастую связана не с собственно австрийской, а с внутривосточной проблематикой. Так, председатель «Галицко-русского благотворительного общества» В. А. Бобринский писал в докладной записке, представленной им в российский МИД в мае 1913 г.:

«Защита русского дела на Днестре и Сане есть защита его на Днепре, и, работая в Галиции, мы работаем для нашей национальной самообороны, независимо от вопроса воссоединения с нами Червонной Руси» (с. 233).

Поддержка русофилов со стороны Российской империи на протяжении большей части рассматриваемого периода носила более чем ограниченный характер, как правило, будучи связанной с частными

¹ Консервативно-клерикальное течение во главе с клирошанами собора Св. Юра во Львове — архикафедрального собора греко-католической церкви.

инициативами, санкционированными или иногда иницированными/поощряемыми со стороны одних государственных инстанций при противодействии других. Так, еще в начале 1840-х налаживание контактов с галичанами со стороны М. П. Погодина во время его заграничного путешествия, санкционированное Министерством народного просвещения, вызвало в дальнейшем беспокойство со стороны не только Министерства иностранных дел, но и III отделения; в ходе следствия по делу Кирилло-Мефодиевского общества (1847) не меньшее, если не большее беспокойство вызывала не угроза украинского/малороссийского сепаратизма и оппозиционных по отношению к существующему правлению настроений, но и возможные осложнения во взаимоотношениях с Австрийской империей, подозрение в попытках использовать панславистское движение в русских внешнеполитических целях. Основанное в 1902 г. специально для поддержания контактов с русофилами в Австро-Венгрии «Галицко-русское благотворительное общество» на протяжении первых лет своего существования располагало более чем скромным бюджетом, около 3 000 руб. в год — и соответствующими ему возможностями. Боснийский кризис и последовавшее в ближайшие годы за ним резкое обострение обстановки на Балканах, ухудшившее отношения между двумя империями, привели к тому, что Вена обратила внимание на потенциал украинского движения с точки зрения противодействия российской политике и создания для последней внутренних проблем, тогда как

русская сторона в значительно большей степени, чем ранее, оказалась готова оказывать поддержку русофилам — так, к 1912 г. на эти цели выделялось 100 000 руб. и, благодаря усилиям В. А. Бобринского, было достигнуто согласие заинтересованных ведомств в увеличении ассигнований еще на 100 000, причем летом 1913 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов высказывался за увеличение этой суммы до 260 000 на ближайшие пять лет. Обоснованием этого финансирования выступала в первую очередь затратность политических кампаний, связанных с публичной политикой, в ситуации, когда украинские галицийские политики получали финансовую поддержку из Вены. Тем не менее это предполагавшееся увеличение финансовой помощи не состоялось, поскольку Министерство финансов сослалось на «предстоящие огромные расходы на усиление состава нашей армии» (с. 244). Отдельный важный вопрос касался способов направления и распределения помощи — к 1912 г. дипломатическое ведомство старалось избегать всего, что могло скомпрометировать его в этом отношении (в то время как ранее довольно деятельное участие в такого рода операциях принимал русский консул во Львове), финансирование должно было идти через частных лиц, как их собственная инициатива, тщательно избегая любой причастности к подобным операциям официальных лиц.

В целом реконструкция истории национальных движений восточнославянского населения Галиции, представленная М. Э. Клоповой,

указывает, что к 1914 г. наибольшего успеха добились «украинцы» — в 1912 г., в ходе дебатов об основании украинского университета в Восточной Галиции, им удалось даже достигнуть того, что в письме императора Франца-Иосифа местные жители были поименованы «украинцами», а не как ранее во всех официальных актах — «рутенами», «русинами». Правда, подобный терминологический выбор был вскорости дезавуирован и объявлен следствием ошибки, все последующие официальные акты следовали прежней терминологии, однако в случившемся видели символический акт, приближавший к желательному состоянию. В политическом плане на уровне парламентской политики преобладание украинских партий было полным, численность русофильских депутатов не позволяла им как-либо влиять на обсуждаемые вопросы. Вместе с тем степень низовой мобилизации сторонников украинского национального движения оставалась еще относительно небольшой — сохраняли влияние старая «святоюрская» ориентация, и новая русофильская, в рамках последней с запозданием, но началась работа по партийному строительству.

Позиция Вены в отношении украинского национального движения, как уже отмечалось выше, была далека от однозначности — последнее во многом было значимо как фактор противодействия и ограничения польского влияния, элемент в балансировке как галицийской, так и общеимперской политики, при этом со стороны самих украинских политиков был важен фактор

Российской империи, а именно мотивирование Вены к уступкам их требованиям под угрозой возможного изменения политики России по «украинскому вопросу». Так, в ходе обсуждения в 1912 г. создания украинского университета депутат Я. Окуневский отмечал, что в этом заинтересована и сама Австро-Венгрия, «если Россия одумается, изменит свою национальную политику и “начнет собирать свои народы”» — в такой ситуации «положение Австрии заметно осложнится» (с. 181–182). Со своей стороны либерально настроенный российский неославист А. Л. Погодин в 1909 г. рекомендовал, противодействуя «развитию шовинизма», в то же время своевременно удовлетворять культурные запросы местного населения южных губерний России, что было призвано противодействовать упрочнению антироссийской ориентации у галицийских политиков, «признать за малоруссами право свободного национального развития» (с. 138), а его внутрirosсийский оппонент Бобринский, радикально протестуя против языковых стремлений как галицийских, так и российских украинцев, в то же время отмечал красоту малороссийского наречия, «на котором говорили Шевченко и Котляревский» (с. 138) — и по крайней мере в своей публичной позиции был близок к галицийским русофилам: «считавших себя малороссами и настаивавших на русском культурном единстве при сохранении и развитии местной культуры» (с. 138–139). Если в последующей оптике стороны представляются жестко размежеванными, то в реальности и в первые годы XX в. оставался актуаль-

ным вопрос о возможности изменения как австрийской, так и русской политики, и о том, какой выбор надлежит делать национальным движениям как в меняющейся внутренней политике, так и в международных обстоятельствах.

Первая мировая война радикально изменит ситуацию — уже в первый ее год будет разгромлено русофильство, многие из сторонников которого погибнут — кто-то будет казнен по обвинению в шпионаже, другие пройдут через или не выйдут из Талергофа (первого в Европе концентрационного лагеря, в котором, наряду с Терезином, с сентября 1914 г. содержались заподозренные в про-русских симпатиях). С распадом Австро-Венгрии русинское движение в Галиции утратит остатки политической значимости, позволяв-

шей своим сторонникам равно дистанцироваться и от поляков, и от Российской империи, подчеркивая свою лояльность правящему дому. Провозглашение в 1916 г. Польского королевства создаст дополнительные предпосылки для политической мобилизации и стимулирует провозглашение Западно-Украинской народной республики — на фоне протекавших в это время бурных политических и социальных процессов на территориях бывшей Российской империи. Однако все эти процессы и события были бы невозможны без Первой мировой войны, ставшей мощнейшим потрясением, радикально изменившим ситуацию во всем регионе. Они если и были неизбежны (что несколько сомнительно), то во всяком случае выходили за пределы ожиданий большинства участников.

Rev.: Klopova M. E. Rusiny, russkie, ukrainsy. Natsional'nye dvizheniia vostochnoslavianskogo naseleniia Galitsii v XIX — nachale XX veka. M.: Indrik, 2016. 280 s.

Teslya Andrei A. — candidate of philosophical sciences, associate professor of the department of philosophy and culturology of the Pacific State University (Khabarovsk)